

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПУШКИН
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1949

ПУШКИН

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

**КРИТИКА
И
ПУБЛИЦИСТИКА
1819 ~ 1834**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1949

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

МАКСИМ ГОРЬКИЙ, **Д. Д. БЛАГОЙ**, **С. М. БОНДИ**, **В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ**,
Г. О. ВИНОКУР, академик **А. М. ДЕБОРИН**, академик **П. И. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ**,
Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ, **М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ**, **Д. П. ЯКУБОВИЧ**

Заведующий редакцией **В. Д. Бонч-Бруевич**

РЕДАКТОРЫ ОДИННАДЦАТОГО ТОМА:

В. В. Гиппиус, **Б. М. Эйхенбаум**, **Б. В. Томашевский**, **С. М. Бонди**, **Н. В. Измайлов**, **В. В. Виноградов**, **Б. С. Мейлах**, **Б. И. Коплан**, **А. И. Заозерский**

Общая редакция тома:

В. В. Гиппиус, **Б. В. Томашевский** и **Б. М. Эйхенбаум**

NAUKA REPRINT

Tokyo 1978

Printed in Japan

Настоящий, одиннадцатый том содержит первую часть критической и публицистической прозы Пушкина; вторая часть входит в двенадцатый том.

Все печатаемые тексты были подготовлены к печати под общей редакцией В. В. Гиппиуса и Б. М. Эйхенбаума еще в 1941 году, но события военного времени остановили печатание этого тома. Смерть В. В. Гиппиуса застала его в момент, когда был отпечатан основной текст и частично отдел других редакций и вариантов.

После войны редакцией было поручено Б. В. Томашевскому привести в порядок сохранившиеся материалы и довести том до конца.

Произведения, напечатанные в настоящем томе, подготовили следующие редакторы.

В. В. Гиппиус: Об Андрее Шенье; О поэзии классической и романтической; О трагедии; О народности в литературе; Стихотворения Евгения Баратынского; Если звячье любителя отечественной литературы; Письмо к издателю „Московского Вестника“; „Бал“ Баратынского; О публикации Бестужева-Рюмина в „Северной Звезде“; О Некрологах генерала Раевского; Общество московских литераторов; Илиада Гомера; О журнальной критике; Разговор о критике; Юрий Милославский; О записках Самсона; О разговоре у княгини Халдиной; О статьях князя Вяземского; О новейших блюстителях нравственности; Объяснения по поводу заметки об Илиаде; Детская книжка; Денница; Карелия; Англия есть отечество карикатуры; О записках Видока; Собрание насекомых; Письмо к издателю „Литературной Газеты“; Альманашик; О критике; Наброски предисловия к „Борису Годунову“; Опровержение на критику; Опыт отражения некоторых недолитературных обвинений; Об Альфреде Мюссе; Баратынский; Обзорение обзорений; *Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme*; Торжество дружбы; Несколько слов о мизинце г. Булгарина; Письмо к издателю „Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду“; „Путешествие к святым местам“ Муравьева; Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина; Когда Макферсон...; Новые выходы.

Б. М. Эйхенбаум: Мои замечания о русском театре; Письмо к издателю „Сына отечества“; Причинами, замедлившими ход нашей словесности; Примечание к „Цыганам“; О г-же Сталь и г-не М-ве; О стихотворении „Демон“; О предисловии г-на Лемонте; Возражение на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“; О драмах Байрона; Отрывки из писем, мысли и замечания; Материалы к отрывкам...; О трагедии Олина „Корсер“; Отрывок из литературных летописей; О Ромео и Джульетте Шекспира; „История Русского народа“ Н. Полевого: О втором томе „Истории Русского народа“; Заметка о „Графе Нулине“; Записки Нашекина; Писатели, известные под именем аристократов; О Сальери; Начало статьи о В. Гюго; Дельви; Байрон.

С. М. Бонди: *Возражение на статью Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов“; Воображаемый разговор с Александром I; О народном воспитании; Об альманахе „Северная Лира“; Наброски статьи о русской литературе; О ничтожестве литературы русской; Путешествие из Москвы в Петербург.*

Н. В. Измайлов: *Возражение на статью „Атеней“; Возражение критикам „Полтавы“ (и соответствующая часть статьи „Опровержение на критики“).*

В. В. Виноградов: *Невский Альманах на 1830 г.; Г. Раич счел за нужное.*

Б. С. Мейлах: *О прозе; О поэтическом слоге; О народной драме и драме „Марфа Посадница“.*

Б. И. Коплан: *Заметки по русской истории XVIII века.*

А. И. Заозерский: *Москва была освобождена.*

Б. В. Томашевский: *О французской революции.*

Контрольный рецензент тома В. В. Виноградов.

КРИТИКА
И
ПУБЛИЦИСТИКА
СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

МОИ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ РУССКОМ ТЕАТРЕ.

Должно ли сперва поговорить о себе, если захочешь поговорить о других? Нужна ли старая маска Лужнического пустынного для безымянного критика Истории К. «арамзина»? Должно ли укрываться в чухонскую деревню, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгой? Ужели наконец необходимо для любителя франц. «узских» акт. «еров» и ненавистника русск. «ого» театра прикинуться кривым и безруким инвалидом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски? Думаю, что нет, и потому не прилагаю здесь 10 ни своего послужного списка, ни свидетельства о рождении, ни росписи своим знакомым и друзьям, ни собственной аполонии. Читатель, которому до меня нет никакой нужды, этим нимало не оскорбится и если ему нечего делать, то пробежит мои *замечания об Русск. «ом» Театре*, не заботясь, по какому поводу я их написал и напечатал.

Публика образует драматические таланты. Что такое наша публика?

Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми. „Откуда ты?“ — „От Сем... «еновой», от Сосн... «ицкой», от Кол... «осовой», от Ист... «оминной““. — „Как ты счастлив!“ — „Сегодня она поет — она играет, она танцует — похлопаем ей — вызовем ее! она так мила! у ней такие глаза! такая ножка! такой талант!“ — Занавес подымается. Молодой человек, его приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветреную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таковых судей?

Часто певец или певица, заслужившие любовь нашей публики, фальшиво дотягивают арию Боэльдье или della Maria. Знатки при- 30 мечают, любители чувствуют, они молчат из уважения к таланту. *Прочие* хлопают из доверенности и кричат форо из приличия.

Траг. «ический» акт «ер» заревет громче, сильнее обыкновенного; оглушенный раёк приходит в иступление, театр трещит от рукоплесканий.

Актриса... Но довольно будет, если скажу, что невозможно ценить таланты наших актеров по шумным одобрениям нашей публики.

Еще замечание. Значительная часть нашего партера (т. е. кресел) слишком занята судьбою Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъятии душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же, русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абон. (ированных) кресел, то это более
10 для них условный этикет, нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае не возможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее — движения какого-нибудь чувства. Следовательно, они служат только почтенным украшением Большого каменного театра, но вовсе не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей.

Еще одно замечание. Сии великие люди нашего времени, носящие на лице своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости, неразлучных с образом их занятий, сии всегдашние передовые зрители, нахмуренные в комедиях, зевающие в трагедиях, дремлющие
20 в операх, внимательные, может быть, в одних только балетах, не должны ль необходимо охлаждать игру самых ревностных наших артистов и наводить лень и томность на их души, если природа одарила их душою?

Но посмотрим, достойны ли русск. (ие) актеры такого убийственного равнодушия. Разберем отдельно трагедию, комедию, оперу и балет и постараемся быть снисходительными и строгими, но особливо беспристрастными.

Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой и, м. (ожет) б. (ыть), только об ней. Одаренная талантом, красотою, чувством живым
30 и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника. Бездушная фр. (анцузская) актриса Жорж и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения, всё сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано. Она украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Иоанны; она одушевила измеренные строки Лобанова; в ее устах понравились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня,
40 но отверженные вкусом и гармонией. В пестрых переводах, состав-

ленных общими силами и которые, по несчастью, стали нынче слишком обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и гений актрисы удержал на сцене все сии плачевные произведения союзных поэтов, от которых каждый отец отрекается по-одиначке. Семенова не имеет соперницы. Пристрастные толки и минутные жертвы, принесенные новости, прекратились, она осталась единодержавною царицею траг.<ической> сцены. Было время, когда хотели с нею сравнивать прекрасную комическую актрису Валберхову, которая в роле Дидоны живо напоминала нам жеманную Селимену (так, как в роле *Ревнивой жены** напоминает она и теперь Карфагенскую царицу). Но истинные почитатели ее таланта забыли, что видали ее в венце и мантии, которые весьма благоразумно сложила она для платья с шлейфом и шляпки с перьями.

В скромной одежде Антигоны, при плесках полного театра, молодая, милая, робкая Колосова явилась недавно на поприще Мельпомены. 17 лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно частая приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожили судей траг.<ических> талантов. Приговор почти единогласный назвал Сашеньку Колосову надежной наследницей Семеновой. Во всё продолжение игры ее рукоплесканья не прерывались. По окончании трагедии она была вызвана криками испуга, и когда г-жа Колосова большая

Filiae pulchrae mater pulchrior

в русской одежде, блистая материнскою гордостью, вышла в последующем балете, всё загремело, всё закричало. Счастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Пример единственный в истории нашего театра. Рассказываю просто, не делая на это никаких замечаний. Три раза сряду Колосова играла три разные роли с равным успехом. Чем же всё кончилось? Восторг к ее таланту и красоте мало-помалу охолодел, похвалы стали умереннее, рукоплескания утихли, перестали ее сравнивать с несравненною Семеновой; вскоре стала она являться пред опустелым театром. — Наконец, в ее бенефис, когда играла она роль Заиры — все заснуло и проснулось только тогда, когда христианка Заира, умерщвленная в 5 действии трагедии, показалась в конце довольно скучного водевиля в малиновом сара-

* Иные почитают лучшую ролью г-жи Валберховой — роль *Ревнивой жены*. Совершенно несправедливо. Разве они не видали ее в *Мизантропе*, в *Нечаянном закладе*, в *Пустодомках* и проч.

фане, в золотой повязке, и пошла плясать по-русски с большою приятностию на голос: *Во саду ли, в огороде*.

Если Колосова будет менее заниматься флигель-адъютантскими е. и. в., а более своими ролями; если она исправит свой однообразный напев, резкие вскрикивания и парижский выговор буквы *P*, очень приятный в комнате, но неприличный на трагическом сцене; если жесты ее будут естественнее и не столь жеманными, если будет подражать не только одному выражению лица Семеновой, но постарается себе присвоить и глубокое ее понятие о своих ролях, — то мы
10 можем надеяться иметь со временем истинно хорошую актрису — не только прелестную собой, но и прекрасную умом, искусством и неоспоримым дарованием. Красота проходит, таланты долго не увядают. Кто нынче говорит об Каратыгиной, которая, по собственному признанию, никогда не могла понять смысла ни единого слова своей роли, если она писана была стихами? Было время, когда ослепленная публика кричала об чудном таланте прелестной любовницы Яковлева; теперь она наряду с его законною вдовою, и никто не возьмет на себя решить, которая из них непонятнее и неприятнее. Скрамная, никем не замечанная Яблочкина, понявшая совершенно всю ничтожность лица трагическом наперсниц, предпочи-
20 тается им обоим простым, равнодушным чтением стихов, которое, по крайней мере, никогда не вредит игре главной актрисы.

Долго Семенова являлась перед нами с диким, но пламенным Яковлевым, который, когда не был пьян, напоминал нам пьяного Тальма. В то время имели мы двух трагических актеров! Яковлев умер; Брянской заступил его место, но не заменил его. Брянской, может быть, благопристойнее вообще, имеет более благородства на сцене, более уважения к публике, тверже знает свои роли, не останавливает представлений *внезапными своими болезнями*; но
30 зато какая холодность! какой однообразный, тяжелый напев!

По мне уж лучше пей,
Да дело разумей.

Яковлев имел часто восхитительные порывы гения, иногда порывы лубочного Тальма. Брянской всегда, везде одинаков. Вечно улыбающийся Фингал, Тезей, Орозман, Язон, Димитрий — равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы ему: расшевелись, батюшка! развернись, рассердись, ну! ну! Неловкий, размеренный, сжатый во всех движениях, он не умеет владеть ни своим голосом, ни своей фигурою. Брянской в трагедии никогда

никого не тронул, а в комедии не рассмешил. Несмотря на это, как комической актер, он имеет преимущество и даже истинное достоинство.

Оставляю на жертву *бенуару* Щеникова, Глухарева, Каменогорского, Толченова и проч. Все они, принятые сначала с восторгом, а после падшие в презрение самого райка, *погибли без шума*. Но из числа сих отверженных исключим Борецкого. Любовь, иные думают, несчастная, к своему искусству увлекла его на трагическую сцену. Он не имеет величественной осанки Яковлева, ни даже довольно приятной фигуры Брянского, его напев еще однообразнее и томительнее, вообще играет он хуже его. Certes! c'est beaucoup dire — со всем тем я Борецкого предпочитаю Брянскому. Борецкой имеет чувство; мы слышали порывы души его в роле Эдипа и старого Горация. Надежда в нем не пропала. Искоре(не)ние всех привычек, совершенная перемена методы, новый образ выражаться могут сделать, из Борецкого, одаренного средствами душевными и физическими актера с великим достоинством.

Но оставим неблагоприятное поле тр.<агедии> и приступим к разбору комических талантов.

<1820>

«ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА.»

По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, всё еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны на веки; воспоминания старины мало по малу исчезали. Народ упорным постоянством удержав бороду и русской кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластической педантизм по прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредко появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе.*

20 Петр I не страшился народной Свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество может быть более, чем Наполеон.**

Аристократия после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие: к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ,

* Доказательства тому царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона, и сладострастной Елисаветы.

30 ** История представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный кн. Долгоруким, и письмо с берегов Прута приносят великую честь необыкновенной душе самовластного государя; впрочем все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою*. Всё дрожало, всё безмолвно повиновалось.

сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; ныне же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас на ряду с просвещенными народами Европы. Памятниками неудачного борения Аристократии с Деспотизмом остались 10 только два указа Петра III^{го} *о вольности дворян*, указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила <их> на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты при- 20 вязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою Истории. Он разделил с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными победами в северной Турции.* 30

Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем История оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиною кротости и терпимости,

* *Бесплодными*, ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россией. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале фр.<анцузской> рев.<олюции>, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия, а изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот.

народ угнетенный наместниками, казну расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиגлярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России.

Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле равностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина, хранимой донныне в одном из при-
 10 судственных мест государства,* об обезьяне графа Зубова, о кофейнике к.〈нзя〉 К.〈утузова〉 и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Одобренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбю, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство.

20 Екатерина уничтожила звание (справедливее название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев), и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первый лучи его, перешел из рук Шишковского** в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фон-Визин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность.

30 Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их

* П.〈отемкин〉 послал однажды адъютанта взять из казенного места 100000 р. Чиновники не осмелились отпустить эту сумму без письменного вида. П.〈отемкин〉 на другой стороне их отношения своеручно приписал: дать, е... м...

40 ** Домашний палач кроткой Екатерины.